

мическую струну и зацепите... хе-хе! Это ведь у Гоголя, из писателей, говорят, эта черта была в высшей степени?

— Да, у Гоголя.

— Да-с, у Гоголя... до приятнейшего свидания-с.

— До приятнейшего свидания...» (6, 273).

Заключительная фраза Порфирия двусмысленна. Один смысл, очевидный, разделяет ее на подхват слов, сказанных собеседником («Да-с, у Гоголя...»), и продолжение в формуле прощания («...до приятнейшего свидания-с»). Другой смысл объединяет в целое все сказанное. Он более очевиден при перестановке слов. Ср.: «Да-с, у Гоголя... до приятнейшего свидания-с» и «Да-с, до приятнейшего свидания... у Гоголя».

Это свидание случилось очень скоро — едва Раскольников пришел к себе и в себя. И действительно было «приятнейшим» (в сравнении с предыдущим — безусловно). Второе появление «мещанина в халате» у Раскольникова (заметим: с теми же театральными эффектами, что и первое), его объяснения избавили героя от мрачной тревоги по поводу вышедшего «из-под земли» свидетеля преступления: «Так вот, стало быть, чем разрешился весь этот вчерашний ужас. Всего ужаснее было подумать, что он действительно чуть не погиб, чуть не погубил себя из-за такого ничтожного обстоятельства. Стало быть, кроме найма квартиры и разговоров о крови, этот человек ничего не может рассказать. Стало быть, и у Порфирия тоже нет ничего, кроме этого бреда, никаких фактов, кроме психологии, которая о двух концах, ничего положительного» (6, 275).

Комически-театральная сторона и этого, и предыдущего свидания «мещанина в халате», «похожего <...> на бабу», с Раскольниковым (та сторона, о которой Раскольников, разумеется, не догадывается) напоминает о встрече Чичикова и Плюшкина в «Мертвых душах»: ³ «Долго он (Чичиков. — В. В.) не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик <...> „Ой, баба!“ подумал он про себя и тут же прибавил: „Ой, нет!“ „Конечно, баба!“ наконец сказал он, рассмотрев попристальнее <...> „Послушай, матушка“, сказал он, выходя из брочки, „что барин?..“ „Нет дома“, прервала ключница <...> „а что вам нужно?“»⁴

Ничего особенного не представляло собой лицо хозяина, который все-таки оказался дома. «Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат»,⁵ со спины запачканный мукой и «с большой прорехою пониже».⁶ С тех пор как Плюшкин перестал быть «только <...> бережливым хозяином» и основательно «съежился»,⁷ «халат» стал главной принадлежностью его туалета: «...Александра Степановна (дочь Плюшкина. — В. В.) <...> привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть не только было совестно, но даже стыдно».⁸ К моменту приезда Чичикова новый халат пришел в такую же негод-

³ Это заметил Р. Г. Назиров, но почему-то только в связи с первым приходом мещанина к Раскольникову. Для исследователя намеки на Гоголя — пример обычной у Достоевского литературной «парафразы». Смысл ее Р. Г. Назиров объясняет так: «И в эпизоде узнавания (помещика в неприглядной «ключнице». — В. В.) у Гоголя, и в сцене обличения у Достоевского центральное место занимают не герои, а загадочные собеседники. Убогая внешность последних резко контрастирует с чрезвычайно значительным содержанием: маниакальный скупец и таинственный „свидетель“ преступления. Но если предостережение Чичикову дается примером духовной гибели стяжателя <...>, то предостережение Раскольникову дано в форме обличения его другим персонажем» (Назиров Р. Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 94).

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 114.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Там же. С. 114.

⁷ Там же. С. 117, 120.

⁸ Там же. С. 120.